

За эти годы положение Цзян Шаочжи становилось всё выше. Теперь он дослужился до генерал-лейтенанта. Он по-прежнему был занят военными делами, но, в отличие от того времени, когда он часто уезжал на задания, теперь у него было больше свободного времени для личной жизни с Тун Цинхэ.

Стремясь к более спокойной и стабильной жизни, он понимал, что и цена будет выше. Цзян Шаочжи лучше всех знал этот принцип, поэтому каждый его шаг был предельно осторожным. Привыкнув к прямолинейной и опасной жизни на поле боя, где приходится «лизать кровь с лезвия», Цзян Шаочжи избрал другой путь. Невидимый пороховой дым был более тревожным, чем на поле боя: каждый шаг требовал осторожности и стратегии.

Тун Цинхэ понимал в этих делах мало. Глядя на Цзян Шаочжи, который с годами становился всё более невозмутимым и не выдавал своих планов перед посторонними, он мог лишь помогать ему расслабиться в его обществе.

Поскольку Цзян Шаочжи редко проявлял эмоции, Тун Цинхэ старался, чтобы в его присутствии он раскрывал чуть больше чувств, которые предназначались только ему. Благодаря его частым разговорам Цзян Шаочжи баловал его без границ. С годами Тун Цинхэ, наоборот, не стал ни капельки более степенным и оставался беззаботным.

Тун Цинхэ вчера навещал Баобао и Цзи Ваня в семье Шэнь. По сравнению с Цзи Ванем и Шэнь Цзуном, им с Цзян Шаочжи повезло гораздо больше: они встретились в подходящее время и не страдали от долгих расставаний. Если у Тун Цинхэ был отпуск, Цзян Шаочжи, уезжая, брал его с собой.

Чувства супругов становились всё крепче. Их счастье не требовало слов, оно естественно проявлялось в их состоянии, ауре и взгляде. Тун Цинхэ всем улыбался, был дружелюбен и приветлив. Даже незнакомцам или тем, кто просто проходил мимо него на прогулке, с первого взгляда было видно, что это человек, «вымоченный» в счастье.

Днём у Тун Цинхэ была работа. После работы он не спешил домой. Сегодня у одного из его старших коллег был месячный юбилей ребёнка, и его пригласили на праздник.

Поскольку сообщили об этом в последний момент, Тун Цинхэ не успел приготовить подарок для малыша. Ещё один, новый сотрудник, видя, как он нервничает, предложил ему свой подарок, но Тун Цинхэ покачал головой и вернул его:

— А что тогда делать тебе?

В конце концов, они решили, что водитель срочно купит золотой амулет «Золотой ребёнок», и Тун Цинхэ получил подарок и успел вручить его только перед самым входом.

Коллега проработал в исследовательском институте больше десяти лет, был опытным и имел много знакомых среди сотрудников и друзей. Тун Цинхэ, увидев полный зал гостей, почувствовал головокружение и выбрал незаметное место, чтобы тихо сесть.

Он никогда не был мастером ловкой дипломатии («танцев с длинными рукавами»). Рядом с Цзян Шаочжи всё решал тот, и ему не нужно было вмешиваться. Со временем Тун Цинхэ, естественно, перестал беспокоиться о подобных вещах.

Вот только Тун Цинхэ любил тишину, а другие не давали ему покоя. К свободному уголку, рядом с которым он сидел, подошли двое мужчин, приветливо улыбаясь, и держа в руках изящную, элегантную коробку.

У Тун Цинхэ сердце ёкнуло, но поворачиваться и уходить было уже поздно.

Тун Цинхэ был человеком с самосознанием. Даже будучи в браке с Цзян Шаочжи, его законным супругом — «женой» Генерала в глазах посторонних — он понимал, что способности Цзян Шаочжи — это его способности, и к нему самому они не имели никакого отношения.

Однако слишком много людей хотели услужить Цзян Шаочжи через него. Подарки, которые не могли передать Цзян Шаочжи, перенаправлялись ему. Это был уже не первый раз, когда Тун Цинхэ окружали с подарками. Открытые и скрытые способы, оставалось только заставить его принять подарок.

Подарки просто так не принимают. Особенно Тун Цинхэ с его мягким характером: если он принимал подарок, чтобы не смущать человека, то тут же сообщал об этом Цзян Шаочжи, чтобы тот нашёл способ отправить их обратно.

Тун Цинхэ застыл. Он лишь смутно улавливал половину того, что говорили ему пришедшие. На банкете было много людей, и взгляды были рассеянными. Те, кто знал Тун Цинхэ, смотрели с любопытством. Поскольку невежливо бить человека, который улыбается, ему пришлось смущённо принять подарок. Хорошее настроение было испорчено этим инцидентом.

На середине банкета Тун Цинхэ под предлогом вышел в туалет. Он умыл лицо и собрался домой, но снаружи слышались шаги. Пришедшие разговаривали, и предметом их обсуждения был именно он. Тун Цинхэ резко сжался, не в силах обдумать ситуацию, он побежал в одну из кабинок, закрылся на замок и, уставившись прямо на дверь, не мог прийти в себя.

Он не хотел подслушивать то, о чём они говорили, но чем меньше он хотел слышать, тем отчётливее слова проникали в уши.

— Ту партию товара задержали на межзвёздном пропускном пункте на месяц, а ответа на поданное заявление нет. Неужели лебезить перед Тун Цинхэ правда помогает?

— Что ты знаешь? Сейчас все вопросы на межзвёздном пропускном пункте решаются через этого генерал-лейтенанта. Эти два года пираты, шастающие по звёздному пространству, стали наглыми, и этот генерал в основном отвечает за этот участок. Он очень бережёт того, что дома. Посмотри на человека, которого мы видели сегодня: все эмоции написаны на лице, сразу

видно, что он мягкий по характеру. Такими людьми легче всего манипулировать.

— Надеюсь, что так.

— Не волнуйся, будем терпеливо ждать хороших новостей.

Тун Цинхэ не открывал коробки, не зная, какие именно подарки ему вручили. Вечером, общаясь с Цзян Шаочжи по голографической связи, он ничего не рассказал ему, растерзал подушку, лёжа без сна.

Сегодняшний случай был не единственным. В будущем Цзян Шаочжи будет подниматься всё выше, и Тун Цинхэ придётся сталкиваться со всё большим количеством людей и проблем.

Тун Яо (старший родственник) несколько раз намекал ему в частных беседах, что он должен учиться быть более зрелым и налаживать связи с нужными людьми.

Иногда Тун Цинхэ думал, что он и в самом деле слишком наивен и прост. Он представлял: если бы рядом с Цзян Шаочжи был человек мудрый и рассудительный, он бы легко справился с такими ситуациями, и не пришлось бы отвлекать Цзян Шаочжи, рассказывая ему всё это.

Тун Цинхэ завернулся в одеяло, свернувшись бубликом.

С одной стороны, он наслаждался любовью Цзян Шаочжи, был беззаботным и простым. С другой, он иногда беспокоился из-за таких ситуаций, как сегодня. Цзян Шаочжи слишком его баловал, из-за чего Тун Цинхэ не разбирался в некоторых правилах этикета. Хотя можно было свалить все проблемы на Цзян Шаочжи, но со временем это всё равно приводило к переживаниям, и он начинал думать, что он просто обуза, висящая на плечах Цзян Шаочжи.

Тун Цинхэ, свернувшись в одеяле, извивался, как гусеница. Сон пришёл к нему только глубокой ночью.

Из-за инцидента с подарками Тун Цинхэ был немного подавлен на работе. Коллега, устроивший банкет, несколько раз проходил мимо него с видом человека, который хотел что-то сказать, но не решался.

Глядя в глаза коллеги, Тун Цинхэ внезапно прозрел. Скорее всего, вчерашняя наводка была подстроена коллегой намеренно. Те, кто работали с Тун Цинхэ, знали, что он не любит внимания, поэтому даже если родственники хотели что-то попросить, они отказывали.

Во время обеда коллега специально сел за его стол. Хотя он был старше по званию, из-за человека, который стоял за Тун Цинхэ, и поскольку ему что-то было нужно, он не держался с ним высокомерно.

— Сяо Хэ, вчера...

Тун Цинхэ молча ковырял рис. Проглотив еду, он почувствовал позыв к рвоте и тошноту.

Всё-таки это был коллега, с которым он работал. Тун Цинхэ никогда никого не смущал, и даже будучи недовольным, он вежливо извинился и ушёл.

Водитель забрал его домой днём и, увидев его бледное лицо, спросил, не вызвать ли врача.

Тун Цинхэ погладил желудок и покачал головой:

— Не надо беспокоить врача. Наверное, что-то не то съел. Вечером выпью немного лёгкой каши, чтобы очистить желудок.

Няня приготовила ему лечебную кашу для желудка. Тун Цинхэ съел полмиски и пошёл наверх отдыхать. Он решил лечь пораньше, чтобы восстановить силы и встретить Цзян Шаочжи завтра в наилучшем состоянии.

Тун Цинхэ видел множество странных, запутанных снов. Он провалился в кошмар, его конечности были крепко связаны, а брови нахмурены.

Знакомый аромат сандала постепенно заполнил спальню. Инстинктивно, даже во сне, Тун Цинхэ, по давно сложившейся привычке, вкатился в источник феромонов, прижимаясь к знакомому теплу.

Он открыл затуманенные глаза и что-то пробормотал. Собираясь снова заснуть, он резко распахнул их, крепко обхватил Цзян Шаочжи за талию и, уткнувшись лицом ему в грудь, прижался к альфе.

— Дядя, дядя, почему ты вернулся?

Разве он не говорил, что вернётся только завтра?

Развёрнутая сеть феромонов Цзян Шаочжи плотно и надёжно окутала Тун Цинхэ. Он прижал его к себе вместе с одеялом и внимательно осмотрел.

Цзян Шаочжи поправил мягкие волосы Тун Цинхэ у висков:

— Няня сказала, что у тебя сегодня плохой аппетит.

Тун Цинхэ широко распахнул глаза:

— Это только сегодня, завтра пройдёт. Почему она сказала тебе?

— Я не хочу, чтобы ты волновался.

Цзян Шаочжи ничего на это не ответил. Он погладил Тун Цинхэ по животу:

— Продолжай спать.

Тун Цинхэ, обняв своего альфу, улыбнулся:

— Не могу уснуть.

Он тихонько прижался к Цзян Шаочжи. Ладонь, крепко обнимавшая его за поясницу, запрещала ему ворочаться.

Цзян Шаочжи поцеловал его в веки:

— Спи.

Тун Цинхэ не хотел спать, он и моргнуть не успевал, как тот уже знал, что он что-то скрывает.

Цзян Шаочжи сказал:

— Кто-то тебя беспокоил?

Тун Цинхэ замялся. Как только аромат сандала усилился, это заставило его честно выложить всё.

Перед напором Цзян Шаочжи Тун Цинхэ, как и всегда, был беспомощен и ничего не мог скрыть.

Вдыхая феромоны, он рассказал о том, что произошло на банкете.

Цзян Шаочжи приблизил своё лицо и спросил:

— Где подарки?

Аромат сандала хлынул ему в нос, растекаясь по лёгким, от чего щёки Тун Цинхэ слегка покраснели, и он почувствовал головокружение, словно опьянел.

Он с трудом спустил ноги с кровати, выдвинул ящик и отдал коробку Цзян Шаочжи.

— Я разберусь с этим завтра.

Цзян Шаочжи небрежно отложил коробку, крепко обнял Тун Цинхэ и улёгся в тёплую постель.

Тун Цинхэ одёрнул руку и прижался ею к груди Цзян Шаочжи:

— Дядя, кажется, я хочу спать...

В ответ он получил поцелуй в самое уязвимое место — за шейей.

Метка на железе Тун Цинхэ всегда была чёткой и глубокой. Цзян Шаочжи постоянно обновлял её. Она была влажно-красного цвета, и он не позволял ей ни на йоту поблекнуть.

<http://bllate.org/book/4/165>